

Бунамес Наталья Викторовна

канд. филол. наук, доцент

Волгодонский инженерно-

технический институт (филиал)

ФГАОУ ВПО «Национальный исследовательский

ядерный университет «МИФИ»

г. Волгодонск, Ростовская область

СОЧЕТАЕМОСТЬ ПО ПАРАМЕТРУ «КОЛИЧЕСТВО» У СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ РАЗЛИЧНЫХ ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИХ РАЗРЯДОВ

Аннотация: в данной статье рассмотрена категория числа, обладающая ярким номинативным элементом в семантическом содержании, реализует свои значения с опорой на характерную синтагматику. Значения, которые часто определяются как языковые семантические функции (в отличие от базовых значений), реализуются только в определенных синтаксических условиях. Семантика определяет характерные черты синтактики имени существительного, прежде всего – возможность или невозможность соединения с количественными числительными. Кроме того, автором указаны контекстные элементы, которые «поддерживают» выражение некоторых значений (то есть часто сопутствуют им, служат маркерами этих значений).

Ключевые слова: исчисляемые имена, конкретные имена, абстрактные имена, вещественные имена, собирательные имена, сочетаемость, синтаксические возможности, девербативы, деадъективны, категориально-семантическое значение, предметность, процессуальность, качественность.

В качестве наиболее типичных имён, как известно, рассматриваются имена предметов в собственном смысле. Сущностные характеристики «предмета», прежде всего, его целостность, отдельность, а также чувственная данность наиболее отчетливо фиксируются (выражаются) в сфере существительного – ча-

сти речи, которая лингвистически ориентирована, прежде всего, на дискретизацию универсума реальности. В своём формальном аспекте предметность выражается системой морфологических, словообразовательных и сочетаемостных характеристик.

Прототипические исчисляемые имена занимают центральное положение в сфере имени, что тесно смыкается с идеей ведущей роли числа в сфере количества. Именам лиц более всего свойственна позиция агенса, субъекта действия или субъекта – носителя признака или состояния. Имена предметов чаще всего выступают в позиции объектов человеческой деятельности. Предмет не способен к целенаправленному, намеренному действию. Поэтому в позиции подлежащего имя собственно-предметное не обозначает деятеля, агенса, но выступает либо как носитель признака, либо служит указанием о его каузативном воздействии на предмет или лицо.

Конкретные имена свободно соединяются со всеми типами нумералов: с количественными, порядковыми, собирательными и дробными числительными. Сочетания существительного с количественными числительными обозначают либо результат счета, либо сам процесс счисления. Избыточная, на первый взгляд, форма множественного числа в случаях типа *пять домов* в русском языке (где это свойство распространяется и на сочетания с числительными *два, три, четыре*) обусловлена тем, что множество воспринимается носителями этих языков, прежде всего, с точки зрения различий составляющих его элементов. Эти элементы мыслятся как некие отдельности, так что единица не может репрезентировать множество в целом.

Единственный случай, где категория числа существительного оказывается синтаксической, это сочетания с числительными *два, три, четыре*: здесь категория числа имеет не самостоятельное значение, а употребляется исключительно по требованию слов *два, три, четыре*. Иногда в таких сочетаниях видят проявление оттенка паукальности – идеи незначительного множественного. Прилагательное, определяющее существительное в таких сочетаниях, всегда ставится в форму множественного числа: *три больших яблока*.

Аналогично строятся словосочетания и с числительным *полтора, полторы*: *полтора дня, полторы недели*.

Сочетаемость с числительными *два, три, четыре* и даже с числительным *один* возможно с формами множественного числа в том случае, когда числительное находится в постпозиции:

Вот Ангелов. Взято у Ангелова 18 декабря 1918 года: рояль «Беккер», ... гардеробов четыре, текинских ковров два, хоросанских ковров – один (И. Ильф и Е. Петров «Двенадцать стульев»).

Формы множественного числа в родительном падеже способны передавать идею большого количества без квантификаторов: *В лесу грибов!* Л.А. Брусенская [2, с. 165] отмечает, что в подобных синтаксических структурах интенсифицируется понятие множества, вопреки (или благодаря?) эллипсису числового показателя. Ср.:

У него (тушканчика) в его норке дел, дел, неизвестно когда их переделаешь (Ф. Кривин «Несерьезные Архимеды»);

Еще девчонкой на ней сиживала, уж годов, годов той печке! (Е. Носов «Шопен, соната номер два»).

Значение множественности подчеркивается синтагматически – сочетаниями с глаголами определенных способов глагольного действия (*переделаешь, сиживала*) и повторами.

Очевидная грань разделяет синтаксические возможности конкретных и отвлеченных имен существительных. Отвлеченные имена, большей частью производные от основ глагола и прилагательного – девербативы и деадъективы – отличаются от имен конкретной семантики: категориально-семантическим значением их является не предметность, а процессуальность или качественность; в наборе морфологических признаков также есть различия, связанные с категорией числа (преимущественная сингулярность); явно специфичны их способы словообразования. Всеми этими отличиями предопределяются и особенности их синтаксического употребления.

Абстрактные имена – это своего рода артефакты, в том смысле, что они – предметы духовной культуры, то есть такой информации об опыте социума, которая закодирована не в генах, а в социуме. В обыденном сознании *отвлеченное* имя существует как знак того, на что должно быть направлено внимание, но смысл чего как результат понимания не абсолютный, а относительный.

Сочетания со всеми разрядами числительных, в целом, не типично для отвлеченных имен. Однако такие сочетания все же возможны, причем они связаны как с переносными употреблениями (*У меня две вечности – два сына Л. Татьяничева «Сыновья»*), так и с использованием отвлеченного имени в прямом значении (*Вы знаете, я провел 30 наблюдений у себя в клинике ... М. Булгаков «Собачье сердце»*).

Анахронизмом выглядит правило об отсутствии множественного числа у отвлеченных имен. Такие формы применяются очень широко, причем не только в экспрессивных художественных текстах:

Современная логика – сложнейшая и высокоразвитая система знаний. Она включает в себя множество направлений, отдельных относительно самостоятельных «логик» (Е. Иванов «Логика»).

Некоторые авторы различают наличие у существительного множественного числа и синтаксическую исчисляемость, то есть считают, что не все отвлеченные имена, имеющие множественное число, поддаются счету. Ю.Д. Апресян [1, с. 57] считает, что можно сказать *высокие температуры*, но нельзя *четыре температуры*. Практическая потребность в обозначении точного количества того, что названо отвлеченным существительным, возникает нечасто и соответствующие сочетания нельзя отнести к разряду типичных и частотных. Однако при необходимости выразить соответствующую идею они легко могут быть построены:

Семь теплот, проступивших в семи парах глаз, что-то спаяли внутри него (А. Солженицын «В круге первом»).

Сочетания абстрактных имен с количественными числительными могут быть нацелены на передачу точной информации:

Памятей у человека существует, по крайней мере, две (некоторые специалисты насчитывают их до десяти)... Огонек, 1998. Еще чаще такие сочетания связываются с определенными стилистическими эффектами, например, используются для создания комического эффекта. Ср.:

Он старенький очень, однако, живет себе и живет. Сердце пошаливает, зато голова ясная: Ленина помнит, государей-императоров несколько, императрицу-матушку... Пугачевский бунт – как вчера. Тридцать уложений помнит, пять конституций, пятьсот шпицрутенов, сто сорок реформ, триста манифестов. Одних перестроек и обновлений – дюжины по две... Народных чаяний когда тыщу помнит, когда полторы. Самозванцев – как собак нерезаных. Патриотических подъемов помнит немерено – и чем они кончились. (В. Шендерович «Пластилиновое время»).

Исследователи отмечают, что для отвлеченных имен распространены конструкции со значением количественного определения к абстрактным существительным типа *взрыв аплодисментов, акт агрессии, вспышка гнева, порыв неприязни*. Эти сочетания передают значение единичности – единичного момента в смене состояний, единичного действия. Типичные слова, которые заменяют количественный показатель при отвлеченных именах – *акт, взрыв, порыв, пример, случай, приступ (акт насилия – акты насилия)*. Причем известно, что эти слова чаще сочетаются с отвлеченными существительными, чем с конкретными, и эти сочетания позволяют выразить идею дискретности протекания действия или смену состояний.

Вещественные имена обозначают однородную массу вещества, поддающуюся измерению, делению, но не счету. Этим обстоятельством обусловлены и особенности их числового поведения в целом, и особенности их сочетаемости. Известно, что логико-грамматическое понятие вещественности складывается исторически на основе категории предметности в результате развития отвлеченного мышления: конкретное представление вещества в неразрывной связи с формой его бытования сменяется представлениями о веществе как об однородной массе, часть, которого, даже самая минимальная, имеет свойства и признаки целого.

А. Вежбицкая [5, с. 560] выделяет два диагностических контекста (где проявляются различия у существительных, относящихся к одной тематической группе): контекст родового употребления (*Я люблю морковь – Я люблю огурцы*) и контекст счета (*Возьми две свёклы, но: Возьми две капусты*). Она установила следующий закон упорядоченности числового оформления. Все культуры делятся на 3 класса – маленькие, средние и большие. Получается, что слова, обозначающие овощи среднего размера и употребляемые целиком, допускают счетные употребления, а в родовом значении опираются на форму множественного числа. Названия же овощей крупного или мелкого размера, которые употребляются в пищу в вареном или измельченном виде, не допускают счетного употребления, а в родовом значении (а значит – и в обобщенно-собирательном) опираются на форму единственного числа.

Подмеченная закономерность в числовом поведении данной группы имен не имеет, однако, абсолютного характера. Например, слово «баклажан» в значении класса (родовом) или в обобщенно-собирательном значении требует только множественного числа: «*Я люблю баклажаны*», «*В магазин привезли баклажаны*»: между тем баклажаны не употребляются в сыром виде. Исключениями будут также слова *патиссоны* и *кабачки*.

Совершенно не вписываются в систему А. Вежбицкой также и названия грибов: они характеризуются скорее средним или средне-мелким размером, но их не едят целиком в сыром виде. Тем не менее, это счетные имена: *подберезовики*, *подосиновики*, *опята*.

Однако ясно и то, что семантически мотивированные правила, хотя бы и с исключениями, неизмеримо лучше простых лексических списков, которые предлагаются во многих описаниях категории числа. Следует отметить, что это не система правил для порождения грамматически правильных предложений, а система правил для «порождения» и интерпретации осмысленных высказываний. Проблема, решаемая говорящими, состоит не в том, как построить грамматичные предложения, а в том, как сказать то, что они хотят сказать, и как понять то, что говорят другие люди.

О.Н. Ляшевская [11, с. 89] пишет о том, что *яблоки, огурцы, кабачки* противопоставляются *свекле, репе, картофелю* по признаку места произрастания (над землей – под землей). Однако и учет этого признака не избавляет от исключений: *тыква* и *капуста*, растущие над землей, полностью или частично несчетные. О.Н. Ляшевская проследила особенности числового поведения русских существительных, объединенных общей предметной областью «пища» («это едят») и пришла к выводу: признак размера (который, как принято считать, предопределяет исчисляемость/неисчисляемость имен во многих языках мира) очень легко подавляется другими семантическими признаками. Более сильными оказываются признаки функциональных классов: «сухофрукты», «приправы», «сырье». Так, *лук* и *чеснок* относятся к классу *укропа, петрушки, черемши, спаржи* и прочих культур, которые растут, как трава, хотя это обозначение плодов средних размеров. Но важен именно признак приправы, так как они не составляют самостоятельного блюда.

Таким образом, оказывается, что числовое поведение вообще и сочетаемость с количественными определителями обусловлены особенностями семантического содержания имен (в том числе такими «частными» компонентами семантики, которые перечисляются в работах А. Вежбицкой и О.Н. Ляшевской). Вещественные существительные легко сочетаются со словами, обозначающими меру, вес, количество – *литр, килограмм, мешок, бутылка, стакан, много, мало*, но не сочетаются без трансформации значения с количественными числительными (*два молока = два стакана молока* или *два пакета молока*). В таких случаях имеет место эллипсис объединителя, стабильной меры вещества. Интересно, что известное в русском языке различие в сочетаемости с числительными *два, три, четыре*, с одной стороны, и с числительными *свыше четырех* не распространяется на вещественные имена: они всегда остаются в сингулярной форме: *десять молока, воды*.

Различные числовые формы в сочетании со словами *много, мало* (в значении неопределенно-количественных числительных) передают разные значения: *много масла – много масел*. Во втором случае речь идет не столько о большом

количестве, сколько о разных сортах (вообще значение сортности, разновидностей – одно из самых характерных для плюративов от вещественных сингулярных имен). Интересно, что вещественные *pluralia tantum* в сочетании со словом *много* передают оба значения: «большое количество» и «разные сорта». Для вещественных существительных характерна сочетаемость с дробными числительными: *две трети сметаны, треть масла, воды*.

Собирательные имена обратили на себя внимание русских грамматистов еще в XVII в. Традиционно к собирательным существительным стали причислять слова, обозначающие совокупность однородных единиц как неделимое целое.

Сформировались два подхода к понятию «собирательность»: узкоморфологический и более широкий – семантический (номинативный). При широком понимании категории собирательности к этому разряду относят, помимо сингулярных имён с морфемным показателем собирательности, слова типа *стадо, стая, полк*, имеющие коррелятивные формы числа. Эта точка зрения отражена в работах В.З. Панфилова, И.Э. Еселевич, В.И. Дегтярёва и др.

При широком понимании собирательности в эту категорию включаются и формы в обобщённо-собирательном значении типа зерно (*хлеб* в зерне), *перо, зверь, сосна* и проч. А.В. Исаева [9, с. 38] считает, что слова типа «сосна», «зверь» – собирательные существительные, «образованные семантическим путём». Напротив, в Русской грамматике – 80 специально оговаривается, что случаи типа *зерно* (зерно нового урожая), *перо* (набить подушку пером) не относятся к собирательным существительным.

Л.Г. Калачёва [10, с. 33] относит формы множественного числа от вещественных существительных *масла, хлеба, шелка* к собирательным именам. М.И. Вахрушева [4, с. 51] считает собирательными также и случаи антономасии типа *Маниловы, Пушкины*. Многие авторы относят к собирательным слова *лес, роща, толпа, сад*. Д.Э. Розенталь (1971) полагает, что к собирательным следует отнести такие слова, как *хрусталь*. Ср. также: «Собирательность может быть выражена в корне (народ), в суффиксе (*j* – *вороньё*, – от – *пехота*), собирательность

может быть обнаружена и в особой морфологической форме – в форме «в + Вин. мн. ч.», которую можно назвать винительным собирательным (выйти *в люди*) – см. Г.А. Золотова [7, с. 34.]. Наконец, во многих пособиях по грамматике подчёркивается, что к собирательным относятся отдельные *pluralia tantum* (*финансы, командировочные, алименты*).

Узкоморфологический подход характеризуется тем, что из категории собирательных имён отсекаются прежде всего те, которые имеют формы множественного числа. Таким образом, состав собирательных имен понимается в высшей степени неоднозначно.

Противоречия в понимании группы собирательных имен не случайны. Их природа состоит в том, что собирательность мыслится, прежде всего, как семантическая категория. В наиболее характерных случаях она находит опору в соответствующих словообразовательных (аффиксальных) и грамматических (сингулярных) формах, однако может и не иметь такой опоры. Из этого не следует, что собирательность в последнем случае никак не выражена грамматически. Она оформляется грамматически, например, в условиях характерной сочетаемости, когда собирательное имя занимает позицию, возможную для формы множественного числа и невозможную для единственного (ср.: *народ разошелся по домам* и *люди разошлись по домам*, но нельзя: *человек разошелся по домам*).

При широком понимании собирательных имен к ним относятся антропонимы, фаунонимы и фитонимы, обозначения артефактов и натур-фактов (*офицеры, офицерство, учительство, студенчество, пионерия, зверье, воронья, березняк, орешник, листва, посуда, мебель, белье*).

С позиции теории номинации имена собирательные можно интерпретировать как своеобразное «свернутое» событие. Имена событий происходят на основе пропозиции, а пропозитивная семантика базируется на функции предиката и может быть выведена путём синтаксической деривации, опирающейся на дериват.

Итак, семантика определяет характерные черты синтактики имени существительного, прежде всего – возможность или невозможность соединения с количественными числительными. В рамках значения собирательного имени присутствуют не только семантические компоненты количественной характеристики (какими является значение множественности), но и в то же время иных типов значения – значения объединения, значения исчерпанности множества – именно в этом причина того, что семантика собирательности лежит вне категории считаемости.

Возможна, однако, двуступенчатая квантификация, когда сначала выделяется часть совокупности, а затем эти части могут быть посчитаны:

«Кто служил в армии или до войны был шофёром – шаг вперед. Шагнуло нас семь человек бывшей шоферни» (М. Шолохов. «Судьба человека»).

Иногда встречается сочетание с количественным существительным, образованным от количественного числительного:

«Тем временем старожилы хозвзвода и попутно ещё десяток-другой нена сытного народа были демобилизованы...» (В. Астафьев «Пионер – всем пример»).

Сочетаемость порядковых числительных с собирательными существительными возможна при двух условиях. Первое – при ослаблении значения собирательности или его отсутствии в данном случае у существительного, которое обычно считается собирательным. Второе – при утрате или ослаблении счётного значения у порядкового числительного (когда слова типа *первый, второй, третий* адъективируются и приобретает несчётные качественные значения):

После женитьбы у него появилась вторая (= новая) родня, деревья покрылись первой (= ранней) листвой. См.: [5].

По сути, собирательность существительного исключает возможность как количественного, так и порядкового их определения.

Однако для собирательных вполне возможна сочетаемость с дробными числительными и неопределённо-количественными числительными. Ср.:

«Совсем неслучайно угодила бригада Дроздова в лесосеку на краю болота, с мелколесьем, множеством сухостойника и густого чернолесья...» (В. Астафьев «Пионер – всем пример»).

На сочетаемость собирательных имен с дробными числительными накладываются ограничения смыслового и стилистического плана: *три четверти населения, 1/5 молодёжи*, но маловероятно: *2/3 ректората, 3/4 генералитета*. См.: [5].

Поскольку собирательные имена отличаются от конкретных невозможностью сочетания с количественными числительными, а необходимость выделения частей в совокупности возникает, для собирательных имен характерны специальные обороты речи. Дело в том, что собирательность – это совокупность, которая потенциально всегда может быть делима на составляющие единицы, и такая потенциальная делимость проявляется сочетанием с языковыми единицами, выделяющими какую-то, не всегда чётко ограниченную, определённую часть совокупного множества. Для указания на часть такого множества применяются прилагательные (*дополнительный персонал*), формы Род. падежа другого существительного (*молодёжь России*), распространённые описания (*молодёжь в возрасте от пятнадцати до двадцати лет*). Собирательные имена могут сочетаться со словами «*большинство*», «*меньшинство*».

Неопределенно – количественные числительные («особенно такие, как *«сколько»*, *«много»*, *«мало»*, *«немного»*») свободно сочетаются и с собирательными существительными.

Как известно, синтагматические свойства реализуются в речи в виде закономерных пересечений классов единиц с другими классами того же самого поля или смежных полей.

В современном русском языке нормативна сочетаемость собирательного имени (в позиции подлежащего) с единственным числом сказуемого (то есть формальное согласование).

В древнерусском языке было смысловое согласование: *«Набегут борзые кобелье»*. Ср. стилизацию под архаику у А.С. Пушкина:

Вкруг её стоит грозная стража,

На плечах топорики держат.

(Сказка о рыбаке и рыбке)

Нацеленность собирательного имени на выражение идеи множественности проявляется и в сочетаемости с наречными предлогами, которые небезразличны к идее числа:

Так, предлоги «среди», «между», выражающие расположение в пространстве между двумя и более локумами, предполагает множественное число конкретных существительных или форму единственного числа собирательного имени. В «Синтаксическом словаре» Г.А. Золотовой [7, с. 103] отмечается синтаксема «среди + Род. падеж имени во мн. числе или в ед. числе со значением совокупности»:

Среди журналистов, людей, но: среди публики.

Сочетаемость предлогов «между» и «среди» с формами единственного числа конкретных существительных выявляет обобщённо-собирательное значение последних. Дело в том, что лексема «среди» вместе с глаголом всегда указывает на действие, возможное только при наличии какого-либо множества. Если же переосмысление единственного числа, употреблённого с предлогом «среди», в обобщённо-собирательное значение невозможно, то это обязательно каламбурная, нацеленная на языковую игру сочетаемость. Ср. рефрен Д. Нагиева в популярной телепередаче «Однажды вечером»: *«Это была передача «Однажды вечером», самая популярная среди моей мамы»*. Цит. по: [5].

Собирательные существительные сочетаются с наречиями, обладающими синтаксическим значением множественного числа:

«И темнеющая угрюмая масса, в которой нельзя было узнать размягченных слушателей вчерашнего концерта, топоча и кряхтя, чередом выходила в двери» (А. Солженицын. «Люби революцию»).

Как известно, множественное число существительного может быть обусловлено семантической структурой управляющего слова. Ср. множественное число дополнений, управляемых многообъектными глаголами: *расставить тарелки, перестират все платья*. В подобных сочетаниях типично и использование собирательных имен: *расставить посуду, перестират все бельё*.

Особая трудность связана с корреляцией собирательного имени и анафорического местоимения в составе сложного предложения или в составе сложного синтаксического целого. Дело в том, что далеко не всегда в этих случаях наблюдается формальное соответствие числовых форм, то есть далеко не всегда анафорическое местоимение принимает сингулярную форму. Действительно, сингулярному собирательному имени чаще соответствует анафорическое местоимение единственного числа – это одно из проявлений когезии текста. Однако возможны два случая:

1. Совпадение денотата и сигнификата, антецедента и субститута:

«Публике было всё-таки лучше: она сидела в тёплых кожных». (А. Макаренко. «Педагогическая поэма»).

2. Могут совпадать денотат антецедента и субститута, но сигнификат, языковые семантические функции при этом различаются. Ср.:

«Народ видел, что я не хитёр, что не зубоскалил с ними от нечего делать да и приязнь мою к ним, душевное расположение чувствовал и понимал» (С. Максимов. «Каторга империи»).

Отношение между референтом и субститутом может осложняться тем, что заместитель имени – местоимение – в тексте способно опираться не только на эксплицированный теми или иными лексемами референт, но и на слова, не названные, а в той или иной степени подразумеваемые контекстом. Указывая на предыдущее слово, местоимение как бы включает в себя и смежные с ним элементы, «подхватывает» целый отрезок как бы нереализованного в поверхностной структуре текста. Так, в содержание субститутов «с ними», «их» включены понятия о расчленённых множественных объектах, что и обуславливает отсутствие формальной грамматической связи в предложении.

Таким образом, синтагматические правила когезии текста, диктующие необходимость формального совпадения форм числа антецедента и субститута, могут корректироваться действиями других правил.

Категория числа, обладающая ярким номинативным элементом в семантическом содержании, реализует свои значения с опорой на характерную синтагматику. Значения, которые часто определяются как языковые семантические функции (в отличие от базовых значений), реализуются только в определенных синтаксических условиях. Кроме того, можно указать и на контекстные элементы, которые «поддерживают» выражение некоторых значений (то есть часто сопутствуют им, служат маркерами этих значений).

Семантика определяет характерные черты синтактики имени существительного, прежде всего – возможность или невозможность соединения с количественными числительными. В рамках значения собирательного имени присутствуют не только семантические компоненты количественной характеристики (какими является значение множественности), но и в то же время иных типов значения – значения объединения, значения исчерпанности множества – именно в этом причина того, что семантика собирательности лежит вне категории счисляемости.

Поскольку собирательные имена отличаются от конкретных невозможностью сочетания с количественными числительными, а необходимость выделения частей в совокупности возникает, для собирательных имен характерны специальные обороты речи (*молодежь нашего города*).

«Тривиализация» форм множественного числа от исходно сингулярных имен с отвлеченным значением определяет возможность использования и количественных сочетаний с абстрактными именами (как правило, при этом происходит сдвиг значения в сторону конкретизации).

Вследствие того, что у денотата вещественных имен отсутствует пространственная очерченность, их счисление оказывается затрудненным. Именно поэтому эта группа имен традиционно распределяется между *pluralia* и *singularia*

tantum, причем последние преобладают. Количественно-именные сочетания с вещественными существительными в своем составе обладают семантическими особенностями (в сравнении с сочетаниями, в состав которых входят существительные других лексико-грамматических групп). Частотные сочетания вещественных имен с количественными числительными, как правило, эллиптичны и подразумевают наименования меры.

Список литературы

1. Апресян Ю.Д. Принципы описания значения грамем // Типология конструкций с предикатными актантами. – Л.: Наука, 1985. – С. 61–65.
2. Брусенская Л.А. Семантический и функциональный аспекты интерпретации категории числа в русском языке: Дис. ... докт. филол. наук. – Ростов н/Д, 1994. – 302 с.
3. Вахрушева М.И. Морфотемный анализ собирательных существительных (на материале немецкого и русского языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ульяновск, 1999. – 24 с.
4. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 776 с.
5. Высоцкая И.А. Русское собирательное имя в лингвопрагматическом аспекте. – Ростов н/Д, 2002. – 116 с.
6. Золотова Г.А. Синтаксический словарь. Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. – 2 изд-е, испр. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 440 с.
7. Золотова Г.А. Коммуникативная грамматика русского языка / Г.А. Золотова, Н.К. Онипенко, М.Ю. Сидорова. – М.: Изд-во МГУ, 1998. – 524 с.
8. Исаева А.А. Словопроизводственная модель собирательных существительных в современном русском литературном языке: Дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 1978. – 170 с.
9. Калачева Л.Г. О специфике категории числа у вещественных существительных // Филологический сборник: Уч. записки ЛГПИ им. А.И. Герцена. – Л., 1968. – С. 44–51.

10. Ляшевская О.Н. Семантика русского числа. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 390 с.

11. Чередниченко О.М. Квазиабстрактные имена: позиционные условия плюрализации и прагматические характеристики: Дис. ... канд. филол. наук. – Ростов н/Д, 2002. – 160 с.